

УДК 81-25
DOI 10.26456/vtfilol/2022.4.036

ОБРАЗНЫЕ АГЕНТИВНО-ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ РЯДЫ С СОМАТИЧЕСКИМИ РЕФЕРЕНТАМИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

А.В. Казаков, В.Н. Оношко, А.В. Байкова

Вятский государственный университет, г. Киров

В статье представлено комплексное исследование образных средств, содержащих названия частей тела. Актуальность работы определяется повышенным вниманием ученых к проблеме лингвистической образности как семантической категории, недостаточной изученностью особенностей образных парадигматических рядов, в том числе с точки зрения языковых уровней, на которых образность создается. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые исследуются особенности функционирования образных средств с названиями частей тела, устанавливаются уровни языка, на которых возможно появление образа, определяется соотношение соматизмов и компонентов компаративной триады, исследуются традиционные большие и малые образные агентивно-парадигматические ряды с соматическими референтами, прослеживается преемственность образов. Материал исследования составили текст Библии, сочинения Шекспира, а также художественные прозаические и поэтические произведения английских и американских писателей 19–20 вв. В работе доказано, что самыми употребительными в образных конструкциях являются соматизмы *eye* и *heart*. Поскольку большинство образов строится на основе именно этих соматизмов, то семантическую структуру образных средств целесообразно проследить, изучая их агентивно-парадигматические отношения.

Ключевые слова: образные средства языка; парадигматические ряды образов; соматические референты.

1. Введение

Современный этап в развитии языка характеризуется возросшим интересом к изучению образности, образных парадигматических рядов и средств, с помощью которых образность создается. Проблема образа затрагивает природу языка, его онтологию, существенна для исследований в области парадигматики, семантики и прагматики, принципиально важна при изучении языка в его эстетической функции, имеет выходы в лексикографию.

Обращение к изучению образных средств языка и парадигматических рядов образов, содержащих названия частей тела, в значительной мере предопределено возрастающим интересом лингвистики последних десятилетий к роли человеческого фактора в языке, поскольку понять

природу языка и объяснить ее можно лишь исходя из человека и его мира. Исходя из греческого слова *soma* (тело), указанный тематический пласт лексики предлагается называть соматическим.

Несмотря на значительные успехи теоретического языкознания в исследовании понятия «единица языка», а также описании иерархии сегментных языковых уровней [1; 2], вопрос о том, на каких уровнях языка возможно появление образа, требует дальнейшего изучения. На фоне парадигматического упорядочения фонетики, морфемики, лексики и, конечно, грамматики (например, учение о парадигматическом синтаксисе, выдвинутое М.Я. Блохом [2]), достаточно актуальным представляется исследование нового типа парадигмы – образных парадигматических рядов.

В настоящее время успешно изучаются теоретические и частные проблемы, связанные с метафорой, метонимией, сравнением и отдельными аспектами образных средств языка (Ю.Д. Апресян, С.М. Мезенин, И.В. Арнольд, Н.Д. Арутюнова, М. Блэк, В.Г. Гак, Дж. Лакофф, М.В. Никитин, Г.Н. Скляревская, В.Н. Телия). Однако, образные выражения, содержащие названия частей тела в качестве своей денотативной основы, не нашли полной систематизации и комплексного изучения. В основном соматизмы рассматривались в области фразеологии (Н.И. Андрейчук, Н.А. Власова, Л.М. Готоцева, И.И. Гошхетелиани, А.И. Исаев, И.В. Тимченко, М.В. Турапина, Т.Н. Федуленкова), паралингвистики, структурной семантики (Е.Н. Турапина, И.В. Кременецкая, Е.М. Бебчук; С.М. Донец, Л.В. Волкова), лингвострановедения (Ж.Э. Амбарцумова).

2. Материал, методы

В статье представлено комплексное системное исследование образных средств, содержащих названия частей тела, в Библии, произведениях Шекспира и современных авторов. Образные средства исследуются с точки зрения их формы, семантики и функционирования. Формальный аспект подразумевает изучение формальных средств и способов выражения образной семантики. Семантический аспект исследования предполагает изучение природы образного значения, таких его свойств, как двуплановость, коннотативность. Функционально-прагматический аспект предполагает анализ особенностей употребления образных слов в речи, влияние контекстного окружения на раскрытие образного содержания слова, роли образных средств в создании парадигматических рядов образов. В работе основными являются методы компонентного и контекстологического анализов.

3. Результаты и обсуждение

3.1. Семантические и структурные особенности образных агентивно-парадигматических рядов

Термин парадигма получил широкое распространение в лингвистических работах, посвященных рассмотрению различных уровней

языка: фонематическому, морфематическому, лексематическому, денотематическому, пропозематическому и диктематическому [1; 2].

В сфере фонетики парадигматические ряды строятся противопоставлениями звуков по различным признакам гласности – согласности, звонкости – глухости, фрикативности – смычности, долготы – краткости и т. д. В области словарного состава эти ряды базируются на отношениях синонимии и антонимии, гипонимии и гиперонимии, отношениях разнообразного тематического родства, разнообразных словообразовательных зависимостей. В грамматике серии соотносительных форм реализуют грамматические числа и падежи, лица и времена, залогов и наклонения, градации модальностей, наборы подчинительных и сочинительных моделей предложений и т. д.

Наиболее привычным и самым распространенным принято считать толкование термина парадигма в грамматике: «Упорядоченная совокупность грамматических форм, выражающих определенную категориальную функцию (значение), составляет грамматическую парадигму» [2: 82].

В самых общих чертах парадигматический ряд можно представить как «совокупность языковых элементов, объединенных на основе вариативно-инвариантного принципа выражения некоторой функции: инвариантная составляющая элементов объединяет их в парадигматическом единстве, а вариативная (варьирующая) составляющая разграничивает их как разные ступени этого единства, своей соотносительностью различающие конкретные реализации функции» [2: 33–34].

В нашем исследовании мы рассматриваем новый тип парадигматических рядов – образные парадигматические ряды. Образное значение создается на всех уровнях языка за исключением уровня фонем, т.к. фонемы сами по себе не имеют семантического содержания, а образ создается как раз за счет взаимодействия значений. Материал нашего исследования позволил выделить образы на следующих уровнях:

морфематическом: fire-tongued, bubble и head в bubblehead ;

лексематическом: The basket is heaped with human eyes;

денотематическом (уровень между словом и предложением): cavernous mouths, golden hair, alabaster skin ;

пропозематическом (уровень предложений): Their eyes were moons ;

диктемном (уровень одного или нескольких предложений): It was the most frightening house Pongo and Missis had ever seen. Many of the windows in its large, flat face had been bricked up and those that were left looked like eyes and nose, with the front door for a mouth. Only there were too many eyes and the nose and the mouth were not quite in the right place, so that the whole face looked distorted [Smith, 1993]. В данном примере все вышеприведенные предложения объединяются вокруг одной темы, одного образа дом → лицо.

Под образной парадигмой понимается «как сам инвариант, так и множество образов, в которых он реализуется» [5: 48]. При этом под инвариантом образа понимается «сложный смысл $X \rightarrow Y$; X и Y – понятия, находящиеся в отношении противоречия, а стрелка показывает направление отождествления X и Y . При этом X и Y есть инварианты лексических рядов, X – того, что отождествляется, а Y того, с чем происходит отождествление» [5: 48].

В своей работе основное внимание мы уделяем рассмотрению парадигматических рядов «имя» → «имя» как наиболее распространенного типа отождествления. Другие виды парадигматических рядов встречаются не так часто и скорее дополняют данный тип образного парадигматического ряда.

Парадигмы образов обладают рядом свойств. Одним из таких свойств является продуктивность, под которой понимается количество образов, реализующих инвариант. Второе свойство, характерное для парадигм образов, – это обратимость, то есть наличие прямой и обратной парадигм. Парадигма образов обладает амбивалентностью (энантиосемией). Данное свойство отражается в законе: если существует образная парадигма $X \rightarrow A$, то существует и парадигма вида $X \rightarrow \text{не-}A$. Последним свойством образной парадигмы является ее устойчивость, то есть «характеристика нашего восприятия той или иной парадигмы образов, степень ее узнавания и силы воздействия» [5: 103].

Таким образом, образные парадигматические ряды имеют большое теоретическое и практическое значение. Образы создаются на уровнях языка выше фонематического. Парадигматические ряды образов позволяют обобщить реальные образные средства, функционирующие в конкретных текстах, и выявить определенные закономерности в развитии поэтической речи, проследить эволюцию художественной речи, показать, как сочетаются в ней традиции и новаторство.

Понятие образной парадигмы важно учитывать при описании индивидуальных стилей поэтов и писателей. Это позволяет, во-первых, установить сквозные образные парадигматические ряды в творчестве того или иного автора, а, во-вторых, показать динамику их использования и, соответственно, выявить основные направления эволюции индивидуального стиля, наконец, определить способы обновления устойчивых образов.

3.2. Наиболее употребительные образные агентивно-парадигматические ряды с соматическими референтами

3.2.1. Образные агентивно-парадигматические ряды с соматическим референтом «глаз»

В данной статье более тщательно рассматривается агентивно-парадигматический ряд ГЛАЗА → СВЕТ, который имеет глубокие корни. Древние считали солнце и луну двумя глазами на челе божества: солнце обычно считалось правым глазом, а луна – левым [4: 210].

Агентивно-парадигматический ряд ГЛАЗА → СВЕТ является доминантой среди рядов: глаза → огонь, глаза → звезда, в основе которых лежит сема «яркий».

В Библии глаз сопоставляется со светом (when your eye is clear, your whole body is also full of light), огнем (His eyes are a flame of fire). Из данных агентивно-парадигматических рядов вытекает сопоставление с лампой (The lamp of your body is the eye), факелом (His eyes like torches of fire). В примере His eyes are like the eyelids of morning образ усложняется за счет олицетворения утреннего света [The Holy Bible, 1984].

У Шекспира и авторов более позднего времени отождествление глаз со светом могло быть косвенным с помощью 1) глагольных метафор: His eyes twinkled [The Home Book of Verse..., 1949]; His eyes lit up [Wodehouse, 1961]. Чаще всего используются следующие глаголы: beam; blaze; brighten; dazzle; flicker; glare; gleam; glisten; glitter; glow; kindle; light; sparkle; twinkle, а также стативы: a-blazing; aglow; afire; 2) эпитетов в виде вышеперечисленных глаголов (sparkling, flaming, gleaming, twinkling, glimmering, burning, blazing, beaming eye) или прилагательных (bright, brilliant, lustrous, radiant eyes); 3) ситуативных метафор типа: a twinkle in his eyes [Smith, 1993]; A gleam of delight came into his uncle's eyes [Maugham, 1978].

Данные образы обслуживают сферу эмоций, чувств человека, часто прямо противоположных: гнев и радость (His eyes flashed with rage [Maugham, 1978] – with eyes lit by the joy [The Home Book of Verse..., 1949]); любовь, дружба и ненависть (love beamed from the girl's eyes [Twain, 1979] – eyes burning, full of hate [Lawrence, 1924]); боль и облегчение (his eyes full of pain and fire [Lawrence, 1924] – her eyes lighted with pleasure [Twain, 1955]); зло и добро (a sardonic twinkle lit up his eyes [Maugham, 1978] – His kind eyes glistened [Maugham, 1978]); насмешка и мольба (eyes--bright, mocking, like lights on water at night [Lawrence, 1924] – Her eyes are blue, and beam beseechingly [The Home Book of Verse..., 1949]); честность и недоверие (his eyes dark and glittering, they had a certain mistrust of him [Lawrence, 1924] – his eyes were lit up by a steady, honest light [Woolf, 1994]).

Помимо косвенного отождествления глаза и света, есть прямое сопоставление глаз → огонь, глаз → свет, глаз → звезда, глаз → солнце.

Так, прямое указание на сложный образ глаза-огня происходит с помощью: 1) сравнений с союзом like – little eyes glow Like the sparks of fire [The Home Book of Verse..., 1949]; 2) сравнений с союзом as – Their eyes shining as red and fierce as the flames [Tolkien, 1978]; 3) ситуационных сравнений типа «огонь в глазах»: The flames that dwelt within thine eye [The Home Book of Verse..., 1949]; From thy bright eyes he took his fires [The Home Book of Verse..., 1949]; 4) эпитетов: fiery eye; sparkling eyes; 5) квазитождеств: eyes had become a green fire [Tolkien, 1978]; 6) косвенных метафор: red eyes sparked the gloom [The Home Book of

Verse..., 1949]; 7) генетивных метафор: eyes of flame; 8) позиционной близости: His lamp blew out, but his eyes burned bright [Lindsay, 1917].

Развитие образа глаза → огонь идет по нескольким направлениям. Это может быть указание на процесс горения и в этом случае глаз сопоставляется с пламенем, костром, пожаром: His eyes are a flame of fire [The Holy Bible, 1984]; eyes as red as new-enkindled fire [Shakespeare, 1977]; in them smouldered a fire [London, 1960]; her eyes could flame with light like a conflagration [Lawrence, 1924].

В другом случае образ глаз-огонь вызывается ассоциациями с тем, что горит, издает свет: лампой (These eyes, like lamps whose wasting oil is spent, Wax dim, as drawing to their exigent [Shakespeare, 1977]); маяком (Those eyes with bridal beacons shine); факелом (His eyes like torches of fire [The Holy Bible, 1984]); свечой (Like tapers on the altar shine her eyes [The Home Book of Verse..., 1949]); фитилем (an eye Base and illustrious as the smoky light That's fed with stinking tallow (Бесцветные глаза, чей тусклый блеск Не ярче, чем мерцанье фитиля, Чадающего в зловонной плошке с салом?) [Shakespeare, 1977]); углями (his eyes like embers glowing In the darkness of the night [The Home Book of Verse..., 1949]); хворостом (Dark eyes that wait like faggots for the fire [Teasdale, 1915]); головнями (Theodore's eyes were brands Burning upon his music [Lowell, 1916]); зажигательным стеклом (her eye did seem to scorch me like a burning-glass [Shakespeare, 1977]).

В свою очередь каждый отдельный образ может еще более конкретизироваться. Например, глаз-лампа дробится на более мелкие образы глаз → фара такси: a belated taxi hurried along the street, its lamps still shining like burning eyes [Fitzgerald, 1996] или глаз → прожектор: Miss Trimble's right eye flashed about the room like a searchlight [Wodehouse, 1929].

Помимо большого разветвления образов на их продуктивность указывает также наличие обратной парадигмы лампа → глаз: Like dragons' eyes the street-lamps suddenly gleamed [Benet, 1918].

Образы глаз-огонь могут выражать разную интенсивность. Наиболее четко можно противопоставить сильную, среднюю и слабую степень проявления яркости глаз.

В первом случае можно указать на такие сопутствующие характеристики очень яркого света, как способность сверкать как доспехи бога (his goodly eyes ... Have glow'd like plated Mars [Shakespeare, 1977]); ослеплять (but her eyes, – How could he see to do them? (Но глаза – Как мог он их создать и не ослепнуть?) [Shakespeare, 1977]); A lover's eyes will gaze an eagle blind [Shakespeare, 1977]; загорать под солнцем (And Spanish eyes are thrilling; Still, though I bask beneath their smile [The Home Book of Verse..., 1949]); растапливать (They could thaw [Wodehouse, 1961]).

Нейтральная интенсивность представлена в следующих примерах lustre in your eyes [Shakespeare, 1977]; it perchance will sparkle in your eyes

[Shakespeare, 1977]; his burning eye [Shakespeare, 1977]; The gazing eyes glitter in the sunlight [Lowell, 1916].

На другом полюсе интенсивности находятся образы, в которых выражена противоположная сема – «темный». Глаз в этом случае ассоциируется с ночью (eyes like the night [Maugham, 1978]; her eyes Are as dark as Southern night [The Home Book of Verse..., 1949]); или сумерками (Those deep and tender twilight eyes [The Home Book of Verse..., 1949]).

Интересно, что «глаз» ассоциируется практически с каждой частью суток, что указывает на амбивалентность данного агентивно-парадигматического ряда. Выше были приведены примеры образов глаз-сумерки, глаз-ночь. Есть образы глаз-рассвет (those eyes, the break of day [Shakespeare, 1977]); глаз-утро (The morn of thy matchless eyes [The Home Book of Verse..., 1949]) и, наконец, глаз-день (eyes ... Suddenly dawn like the day [The Little Book of Modern Verse, 1941]). Малый агентивно-парадигматический ряд глаза → звезда у Шекспира и его современников выражалась с помощью сравнений 1) с союзом like: And her two eyes, like stars in skies [The Home Book of Verse..., 1949]; Thine eyes like twin stars shining [The Home Book of Verse..., 1949]; 2) с союзом as: What stars do spangle heaven with such beauty, as those two eyes become that heavenly face [Shakespeare, 1977].

У авторов настоящего времени набор образных средств более разнообразен. Наряду со сравнениями с союзом like (eyes, Like those faint stars [The Little Book of Modern Verse, 1941]; Tender eyes that will shine like stars [The Home Book of Verse..., 1949]) используются сравнения с союзами as (Her eyes as stars of twilight [The Home Book of Verse..., 1949]), than (eyes more dear to me than starriest spheres [The Home Book of Verse..., 1949]). Помимо сравнений используются прямые метафоры (The night has a thousand eyes [The Home Book of Verse..., 1949]); квазитождества (Moonlight she was ... And her eyes stars [Benet, 1918]); генетивные метафоры (two fixed stars of Miss Carroll's eyes [O'Henry, 1916]); эпитеты: starry eyes [The Home Book of Verse..., 1949].

Простое соположение слов «глаза» и «звезды» встречается как у Шекспира (Stars, stars, And all eyes else dead coals; from thine eyes my knowledge I derive, And constant stars in them I read such art As truth and beauty shall together thrive; Two of the fairest stars in all the heaven, ... do entreat her eyes To twinkle in their spheres till they return. What if her eyes were there, they in her head? (Прекраснейшие в небе две звезды, Принуждены на время отлучиться, Глазам ее свое моленье шлют – Сиять за них пока они вернутся. Но будь ее глаза на небесах, А звезды на лице ее останься...)), его современников (Bright stars a piece her eyes do hold [The Home Book of Verse..., 1949]); так и у современных авторов (she came With starry secrets in her eyes [Nesbit, 1922]; when I saw your eyes I knew The angel sent the stars to you [Teasdale, 1915]).

Более размытый образ получается при отождествлении глаза со светом звезды: *Do not conceal those radiant eyes, The starlight of serenest skies* [The Home Book of Verse..., 1949].

Образ глаза-звезды конкретизируется в образах глаз-солнце и глаз-луна. Данные образы были широко распространены как во времена Шекспира (*her eyes are sunny* [The Home Book of Verse..., 1949]; *Astronomy finds in your eyes Better light than she studies above* [The Home Book of Verse..., 1949]), так и у современных поэтов (*every eye you see is sunny* [Guest, 1917]).

Для их создания используются в основном те же образные средства, что и для образа глаз-звезда, что подтверждает преемственность в их становлении. Это могут быть сравнения (*I have no other sunrise than her sight* [The Home Book of Verse..., 1949]); ситуативные метафоры (*In our eyes The sun lies* [Lowell, 1916]; *sunset ... Is kindled in his dreaming eyes* [Anthology of Massachusetts Poets, 1922]); квазитождества (*Their eyes were moons* [Benet, 1918]); эпитеты: *Two sunny eyes* [The Home Book of Verse..., 1949]; *flashing moon eyes* [Lindsay, 1917]); генетивные метафоры (*the dying eye of the sun* [Buchan, 1923]); сложные слова (*sunny-eyed* [Service, 1913]; *moon-eyed* [Bierce, 1993]); прямые метафоры (*Blossoms flaunting in the eye of day* [The Home Book of Verse..., 1949]); олицетворения (*Red-eyed the sun out-glared; With her one ghost eye, The Moon shone The grey-eyed morn smiles on the frowning night* [Shakespeare, 1977]).

Прямые агентивно-парадигматические ряды глаз → звезда, глаз → солнце, глаз → луна имеют обратные им референтно-парадигматические ряды звезда → глаз (*not a star ... Is brighter than my baby's eye*), солнце → глаз (*the sun, like an eye that never closes* [The Home Book of Verse, 1949]), луна → глаз (*the eye of the golden moon*). Наличие обратных референтно-парадигматических рядов свидетельствует о большой продуктивности образов глаз-звезда, глаз-солнце, глаз-луна и в настоящее время.

Появление нового понятия в языке вызывает и новые образы. Например, благодаря понятию «метеор» появился новый образ глаз-метеор (*eyes ... like the meteors of a troubled heaven* [Shakespeare, 1977]; *his meteor eyes* [The Home Book of Verse..., 1949]).

Хотя семантические связи типа «глаз – солнце» несомненны, но они вовсе не всегда выражаются в языковой семантике. С.И. Вавилов пишет, что: «В египетском языке нет и не было совпадения основного термина «солнце» и «глаз». Название «солнце» никогда не переносилось в этом языке на орган зрения человека» [3: 139].

Таким образом, в рассмотренных агентивно-парадигматических рядах с левым компонентом «глаз» сохраняется преемственность не только образов, но и признаков сравнения. Этимологические исследования некоторых образов говорят об их традиционном характере. Отождествление может происходить по сходству функций, формы, действия

или состояния. Во многих случаях основание сравнения трудно определить.

3.2.2. Образные агентивно-парадигматические ряды с соматическим референтом «сердце».

Образ сердца играет важную роль. Сердце – ядерный образ, характеризующий лирического героя, и средство его метонимического замещения. Оно служит вместилищем эмоций, чувств (what one may call the superior lobe of human feeling (Mark Twain)).

Самым продуктивным является агентивно-парадигматический ряд СЕРДЦЕ → ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, который конкретизируется в малых рядах: сердце → птица, сердце → животное, сердце → насекомое, сердце → человек. В данной статье более подробно рассмотрим этот агентивно-парадигматический ряд.

Агентивно-парадигматический ряд сердце → птица тесно перекликается с другим рядом душа → птица. С одной стороны, оба ряда имеют одинаковые способы создания ассоциации: косвенный, когда указывается на способность сердца летать, иметь крылья: my heart flew up [Lowell, 25]; my heart has two wild wings [The Home Book of Verse..., 1949]; и прямой – сердце-птица: My heart like the bird in the tree Is calling [Teasdale, 1918].

С другой стороны, многие образы повторяются в обоих рядах. Например, совпадает образ души-голубя и сердца-голубя: His heart beat like a pigeon [Maugham, 1978]; The heart ... like a dove With the wings of care [The Home Book of Verse..., 1949].

Однако у парадигматического ряда сердце → птица есть и свои оригинальные образы. Сердце у современных авторов сравнивается с жаворонком: my heart's a meadow-lark [The Home Book of Verse..., 1949].

В агентивно-парадигматическом ряде сердце → животное сердце сравнивается с мышами (My heart is but a mouse [Lindsay, 1917]), улитками (My heart is but a haughty snail In a little stony house), ягненком (Our hearts, like the lambs, skipped to and fro [The Home Book of Verse..., 1949]).

Малый агентивно-парадигматический ряд сердце → насекомое также связан и с рядом душа → насекомое. Оба ряда немногочисленны, но их образы достаточно устойчивы и однообразны. Как правило, поэты эксплуатируют образ пчелы, который имеет мелиоративную оценку: wilt not thou rejoice a little boy's Heart, a shut-in murmuring bee [The Home Book of Verse..., 1949]. Но может возникнуть и довольно неожиданный образ: My heart is but a dragon-fly [Lindsay, 1917]. Такие образы раскрываются в контексте целого стихотворения: как раненую стрекозу может излечить волшебный цветок, так раненое сердце лечит рука возлюбленной. у Шекспира мы находим образ сердце-мошка: A golden mesh to entrap the hearts of men, Faster than gnats in cobwebs (золотую сеть – ловить сердца, Как мошек в паутину).

Агентивно-парадигматический ряд сердце → человек очень продуктивен и в Библии, и у Шекспира, и у современных писателей. Он реализуется в образах, построенных за счет перенесения наименований физических, психических действий, состояний, человека на сердце. Как Библия, так и Шекспир имплицитно отождествляют сердце с человеком, наделяя первое физическими и психологическими действиями и состояниями второго, используя следующие образные средства.

1) Глагольные метафоры, называющие физические действия: движения, конкретные действия, изменения состояния. Например, *My heart stands in awe* (Bible), *thy picture awakes my heart; my heart soundly sleeps, wears Timon's livery, stands armed, sighs, pants, leaps; hearts dance with comforts* [Shakespeare, 1977].

Современные авторы, с одной стороны, продолжают использовать данные глаголы: *His heart danced, leaped* [Maugham, 1978]. С другой стороны, круг глаголов, обозначающих физические действия, расширяется. Например, сердце не просто дышит, но и задыхается: *His heart beat suffocatingly* [O. Henry, 16]; поет: *her heart was singing* [Twain, 1979]; не только прыгает, но подпрыгивает: *My heart jumped* [Twain, 1955], выходит: *His heart went out to them* [Maugham, 1978]; бежит: *His heart began to race* [Wodehouse, 1961]. Появляются новые образы: *... staunch old heart who toiled so long for me* [Fitzgerald, 1996]. Расширяются сами ситуации: *my heart is dressed, As for its birthday, in its best* [The Home Book of Verse..., 1949].

2) Глагольные метафоры, основанные на наименованиях физического действия, направленного на объект – сердце. Например, *harlotry, wine and new wine enslave the heart; the peace of God ... shall guard your hearts* [The Holy Bible, 1984].

3) Глагольные метафоры, обозначающие речевое действие: *What my tongue dares not, that my heart shall say* [Shakespeare, 1977]; *My heart says to Thee* [The Holy Bible, 1984] (ср. современных авторов: *heart speaks to heart* [O'Henry, 1937]; *my heart whispers* [The Home Book of Verse..., 1949]).

4) Глагольные метафоры, называющие психические действия: *without stop, didst let thy heart consent (... Без колебаний согласилось сердце ...)* [Shakespeare, 1977]; *my heart abhors laments, prays, suspects, thinks, will permit, disdained*. У авторов 20 в. оно обеспокоено: *his heart was strangely troubled* [Maugham, 1978], даже восстает: *heart rose in rebellion* [Twain, 1955].

В произведениях современных англоязычных авторов развиваются традиционные образы и предлагаются новые: *glad and innocent hearts* [Twain, 1955]; *unwelcome hearts* [Wodehouse, 1961]; *thy stubborn heart* [Bierce, 1993].

При создании образа сердце → человек Шекспир часто использует традиционный прием олицетворение-обращение. Например, 'O heart, '--O

heart, heavy heart, Why sigh'st thou without breaking? (Ах, бедное сердце, зачем вздыхать? Тебе разорваться в пору!); Swell'st thou, proud heart?... (...Ты бьешься, сердце?..). Тот же прием находим и у современных авторов: old heart who toiled so long for me [Fitzgerald, 1996].

Как Библия, Шекспир, так и авторы 19–20 вв. приписывают сердцу наличие собственных частей тела, даже самого сердца: The eyes of your heart may be enlightened [The Holy Bible, 1984]; it is thyself ... mine eye's clear eye, my dear heart's dearer heart ... (... ты сердце сердца, свет моих очей...) [Shakespeare, 1977]; hanging about the neck of my heart; the sinews of his heart were twisted [Fitzgerald, 1996].

Помимо опосредованного сопоставления сердца с человеком, существуют образы, в которых отождествление носит явно выраженный характер. В этом случае оба компонента парадигмы (сердце и человек) названы эксплицитно. Встречаются случаи прямой метафоры, когда референт человек не назван явно, но выводится из контекста. При эксплицитном сопоставлении используются такие образные средства, как: а) образные сравнения: God is greater than our hearts [The Holy Bible, 1984]; б) квазитождества: what a beggar his heart is [Shakespeare, 1977]; в) эпитеты: the counsellor, coward, craven, savage heart; г) прямые метафоры: poor fool; the lamenting fool; д) метафоры-приложения: my heart! Poor bankrupt; ... petty spirits muster me all to their captain, the heart [Shakespeare, 1977].

Как и при косвенном отождествлении сердца и человека, эксплицитное отождествление в произведениях Шекспира получает продолжение и в работах современных авторов: The true harbinger is the heart [O. Henry, 1937]; his sentient heart [The Home Book of Verse..., 1949].

Семантика левого компонента агентивно-парадигматического ряда (агента «человек») достаточно обширна. В рассмотренных нами источниках нам встретились образы heart-bankrupt, -beggar, -captain, -captive, -citizen, -commander, -confederate, -counsellor, -coward, -craven, -fool, -God, -guard, -guest, -harbinger, -king, -laggard, -man and wife, -masters, -mate, -person, -prisoner, -savage, -sentient, -bond-slave, -slave; -vassal, -confit-maker's wife.

Анализируя приведенные образы, нетрудно заметить, что малый агентивно-парадигматический ряд сердце → человек обладает амбивалентностью. На это указывает существование в ней противоположных по значению образов master – guest; king – beggar (bankrupt); captain (commander) – coward (craven); guard – captive (prisoner); counsellor – fool; citizen – savage. Как видно, данным образам свойственно противопоставление по характеру положительной и отрицательной оценки.

Таким образом, агентивно-парадигматический ряд сердце → человек, реализуемая как имплицитно, так и эксплицитно, несомненно, является центральным среди агентивно-парадигматических рядов с референтом сердце. Он устойчив и узнаваем. В нем можно выделить частные, малые ряды, реализующиеся в многочисленных образах.

Анализ образных агентивно-парадигматических рядов с референтом сердце показал, что данный тип агентивно-парадигматических рядов является весьма распространенным в английском языке. Самым многочисленным и многовариантным является ряд сердце → живое существо, который имеет традиционный для английской речи характер. Сохраняется преемственность образов и оснований сравнения в Библии, у Шекспира и современных авторов. Новые образы появляются за счет развития старых.

Большинство агентивно-парадигматических рядов сохранило свою продуктивность и в настоящее время, другие являются устаревшими. Между разными рядами (сердце → насекомое и парадигмой душа → насекомое) может существовать сходство образов и признаков сравнения. При этом один агентивно-парадигматический ряд может влиять на другой. Их развитие может идти в одном направлении за счет слов одного семантического поля.

Заключение

Таким образом, в разных образных средствах соматизмы по-разному соотносятся с агентом, референтом и основанием сравнения. Несмотря на то, что в одних образных средствах соматизмы выступают в качестве референта образной конструкции (косвенная метафора, метонимия), в других (сравнениях, прямой метафоре, квазитождестве, образных конструкциях с эпитетом) соматизм может занимать позицию как агента, так и референта, все-таки тенденция такова, что соматизмов в роли референтов намного больше, чем соматизмов-агентов. Эту особенность использования соматизмов нам удалось проследить на длительном промежутке времени, начиная с произведений Шекспира и заканчивая работами современных авторов во всех образных конструкциях. Единственным отклонением от данного правила является олицетворение, где соматизмы чаще всего выступают в качестве основания, реже в качестве референта, но никогда в качестве агента олицетворения. Такое соотношение объясняется специализацией соматизмов как антропоморфных характеристик человека.

Самыми употребительными в образных конструкциях являются соматизмы *eye* (700 примеров из 4086) и *heart* (477 примеров из 4086). Поскольку большинство образов строится на основе именно этих соматизмов, то семантическую структуру образных средств целесообразно проследить, изучая агентивно-парадигматические отношения именно этих соматизмов.

Все рассмотренные нами агентивно-парадигматические ряды с соматическими референтами существуют уже на протяжении долгого времени. Это подтверждается тем, что наиболее продуктивные агентивно-парадигматические ряды часто имеют свое обоснование в этимологии

или мифах. Кроме того, о преемственности агентивно-парадигматических рядов говорит, с одной стороны, использование для их создания как сходного набора самих образных средств, так и сходной грамматической структуры рассматриваемых образных средств в Библии, работах Шекспира и современных авторов. С другой стороны в качестве оснований сравнения образов одного и того же ряда выступают, как правило, сходные семы. Разница была выявлена в степени употребительности той или иной конструкции. Кроме того, одинаковые основания сравнения могут иметь не только новые и старые образы внутри одного агентивно-парадигматического ряда, но сходство оснований сравнения наблюдается также и между разными рядами, как правило, малыми, относящимися к одному большому.

Тем не менее, такая преемственность не мешает ряду развиваться дальше. Развитие семантического наполнения образных средств идет не за счет создания новых больших агентивно-парадигматических рядов, а за счет создания новых образов, принадлежащих уже известным агентивно-парадигматическим рядам. В этом случае новые образы создаются за счет использования гипонимов, слов одного семантического поля, синонимов, видоизменения устоявшегося в языке парадигматического ряда. В последнем случае появляются или малые, индивидуально-авторские агентивно-парадигматические ряды, или ситуативные агентивно-парадигматические ряды, или обратные парадигматические ряды, имеющие конверсивную семантическую направленность.

Исследование семантических, парадигматических, структурных особенностей образных средств на примере соматизмов позволяет получить более полное представление о семантической двуплановости как механизме создания образности.

Список литературы

1. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56–67.
2. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: Учеб. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2002. 160 с.
3. Вавилов С.И. Глаз и Солнце (о свете, Солнце и зрении). М., 1956. 132 с.
4. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996. 415 с.
5. Павлович Н.В. Язык образов: Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 1995. 491 с.

Список источников иллюстративного материала

6. American Satire. Satirical Short Stories and Essays. Moscow: Higher School Publishing House, 1966. 314 p.
7. An Anthology of English and American Verse. M. 1972. 235 p.
8. Anthology of Massachusetts Poets. Boston: Small, Maynard & Co., 1922. 145 p.
9. Benet S. V. Young Adventure. Yale University Press: New Haven, 1918. 95p.
10. Bierce A. The Devil's Dictionary. New York. Dover Publications. London. Constable. 1993. 139 p.
11. Buchan J. The Moon Endureth. Tales and fancies. London: T. Nelson & Sons, 1923. 346 p.
12. Fitzgerald F. Scott. This Side of Paradise. New York. London. Dover Publications, 1996. 213 p.
13. Guest E. A. Just Folks. Chicago: The Reilly & Britton co., 1917. 192 p.
14. Henry O. The Voice of the City. Garden City, N.Y., The Sun Dial Press, 1937. 228 p.
15. Henry O. Whirligigs. London: Hodder & Stoughton, 1916. 251 p.
16. Lawrence D. H. Sons and Lovers. London: Duckworth & Co, 1924. 423 p.
17. Lindsay V. The Chinese Nightingale and Other Poems. New York: The Macmillan company, 1917. 127 p.
18. London J. Martin Eden. M.: Foreign Languages Publishing House, 1960. 441 p.
19. Lowell A. Men, Women and Ghosts. New York: Macmillan Co., 1916. 363p.
20. Maugham W. S. Of Human Bondage. Harmondsworth: Penguin Books, 1978. 607 p.
21. Nesbit E. Many Voices. London: Hutchinson & Co., 1922. 94 p.
22. Service R. W. Rhymes of a Rolling Stone. London: T. Fisher Unwin, 1913. 189p.
23. Shakespeare W. The Complete Works. London: Abbey Library, 1977. 1099 p.
24. Smith D. The Hundred and One Dalmations. London: William Heinemann, 1993. 400 p.
25. Teasdale S. Love Songs. New York: Macmillan Co., 1918. 91 p.
26. Teasdale S. Rivers to the Sea. New York: Macmillan Co., 1915. 148 p.
27. The Holy Bible. New International Version. USA: International Bible Society, 1984. 1232 p.
28. The Home Book of Verse, American and English; with an appendix containing a few well-known poems in other languages: 8th ed. Extended in The home book of modern verse. New York: Holt, 1949. 2 v. 4012 p.
29. The Little Book of Modern Verse. Chosen by A. Ridler. With a preface by T. S. Eliot. London: Faber & Faber, 1941. 160 p.
30. Tolkien J.R.R. The Hobbit or There and Back Again. London: Unwin Paperbacks, 1978. 253 p.
31. Twain M. A Connecticut Yankee in King Arthur's Court. M.: Foreign Languages Publishing House, 1955. 351 p.
32. Twain M. Stories. Kiev: Dnipro, 1979. 175 p.
33. Wodehouse P.G. A Damsel in Distress. Harmondsworth: Penguin Books, 1961. 254 p.
34. Wodehouse P.G. Piccadilly Jim. Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1929. 295 p.
35. Wodehouse P.G. Something New. Mineola, N.Y.: Dover Publications, 2000. 191p.

36. Wodehouse P.G. *Stiff Upper Lip*, Jeeves. Harmondsworth: Penguin Books, 1961. 235 p.
37. Woolf V. *Night and Day*. London: Flamingo, 1994. 540 p.

Об авторах:

КАЗАКОВ Андрей Викторович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и перевода, Вятский государственный университет, e-mail: usr11495@vyatsu.ru

ОНОШКО Вячеслав Николаевич – кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и перевода, Вятский государственный университет, e-mail: usr11263@vyatsu.ru

БАЙКОВА Александра Васильевна – старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода, Вятский государственный университет; e-mail: usr21341@vyatsu.ru

FIGURATIVE AGENTIVE-PARADIGMATIC SERIES WITH SOMATIC REFERENTS IN MODERN ENGLISH

A.V. Kazakov, V. N. Onoshko, A.V. Baykova

Vyatka State University, Kirov

The article presents a comprehensive study of figurative means containing the names of body parts. The relevance of the work is determined by the increased attention of scientists to the problem of linguistic imagery as a semantic category, insufficient knowledge of the features of figurative paradigmatic series, including from the point of view of language levels at which imagery is created. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time the features of the functioning of figurative means with the names of body parts are investigated, the levels of language at which the appearance of an image is possible are established, the ratio of somatisms and components of the comparative triad is determined, the traditional large and small figurative agentive-paradigmatic series with somatic referents are investigated, the continuity of images is traced. The research material consisted of the text of the Bible, the works of Shakespeare, as well as artistic prose and poetic works of English and American writers of the 19th and 20th centuries. The paper proves that the most common in figurative constructions are the somatisms eye and heart. Since most images are based on these somatisms, it is advisable to trace the semantic structure of figurative means by studying their agentive-paradigmatic relations.

Keywords: *figurative means of language; paradigmatic series of images; somatic referents.*

About authors:

KAZAKOV Andrey Viktorovich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Linguistics and Translation of Vyatka State University, e-mail: usr11495@vyatsu.ru

ONOSHKO Vyacheslav Nikolaevich – Candidate of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Linguistics and Translation of Vyatka State University, e-mail: usr11263@vyatsu.ru

BAYKOVA Alexandra Vasilyevna – Senior Lecturer of the Department of Linguistics and Translation of Vyatka State University; e-mail: usr21341@vyatsu.ru

© Казаков А.В., 2022

© Оношко В.Н., 2022

© Байкова А.В., 2022